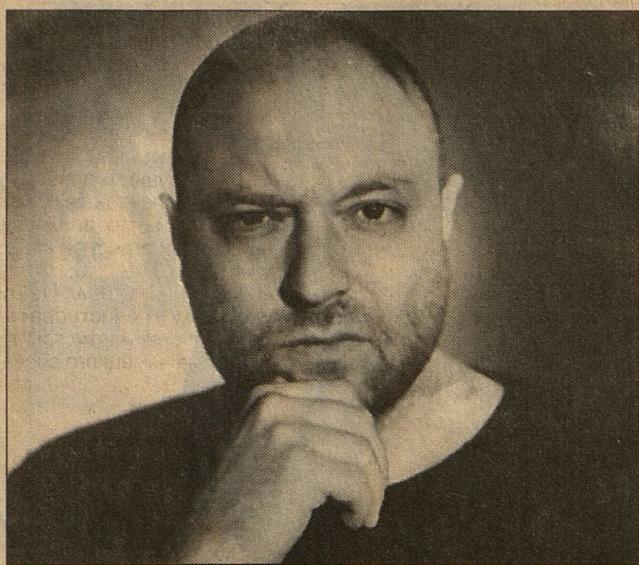

Этот наш диалог с главным режиссером Петербургского тюза Анатолием Праудиным начался, собственно, давно. Сначала прошлой осенью, когда Праудин только принял дела, я услышала историю, которую люблю пересказывать, если хочу поиметь успех в какой-нибудь театральной компании.

АНАТОЛИЙ ПРАУДИН:

Люблю я парадоксы ваши...

ПРОФЕССИЯ: РЕЖИССЕР

- Я ненавижу подростковый зал, — говорил Праудин. — То есть, когда они орут — ладно. Но когда я слышу звук откупоренной бутылки, звон стаканов и бульканье водки!.. Недавно в Александринке на "Горе от ума" подростки на ярусах выпили и их стало тошнить в партер... Так вот, в Екатеринбургском тюзе как-то шел "Человек рассеянный". Трое ребят напились — и вождельный контакт зала со сценой, о котором мы так мечтаем, осуществился в полной мере: они начали просто громко отвечать актерам. Играть было невозможно. А в спектакле было двое слуг прощениума во фраках — профессиональных каратистов. И когда я понял, что спектакль нужно прекращать, я выпустил их в зал, сказав: "Ребята, давайте". Они подошли к этим пьяным школьникам и, пронеся ладонь в сантиметре от уха одного из них — хрясть! — ударили по стулу. И спинка — пополам. Наступила идеальная тишина!

- И как после этого они воспринимали категорию прекрасного?

— Прекрасно воспринимали. На второй акт пришли чистые, трезвые, тихие. Лучшего зала я не помню. Поэтому в нашем Тюзе, во-первых, преобразуем делегатское собрание в тюзовский омон. Любится театр — тренируйся. Самбо, каратэ. Полгода — и вперед. Сделаем вообще страшные голливудские маски. Чтобы не тихая контролерша с белым воротничком в темноте увещевала распоясавшего подростка, а ужас, раскороенная физиономия подползала и

шептала: "Замолчи!" Сделаем фойе, в котором неприятно будет находиться; потом прошел в зал, а там по бокам — кошмары. Чтобы голову вбок поворачивать не хотелось, а хотелось смотреть прямо перед собой — в мир прекрасного...

Так рождалась концепция, предьявленная Праудиным общественности в нынешнем сезоне. Общественность в основном спутала скорбь, жестокость и ужасы. "Я хочу, чтобы зал Тюза напоминал по атмосфере БДТ в лучшие его годы..." — говорит Праудин. Но эту тихую реплику никто не слышит. Вчера мне в панике позвонил знакомый драматург: "Правда, что Тюз переименовывают?!!" — "Во что?" — "В Театр детской скорби". Вся эта путаница и побудила меня подробно поговорить с одним из интереснейших наших театральных сочинителей, любителем парадокса и эпатажа, серьезным режиссером Анатолием Праудиным.

- Анатолий Аркадьевич, по театральной России стон стоит. Все напуганы словосочетанием "Театр детской скорби", которое объявлено программным для Петербургского тюза. На смену "детской радости" — скорбь. Это на вас так повлиял театр вашего детства? Он не был для вас радостью?

— Нет, он, конечно, был радостью. Полной, абсолютной.

- И плохо от этого было, что ли?

— Нет, хорошо. Сначала. Потом — плохо. Когда я стал взрослым, я, честно говоря, оказался не слишком готов к

тем метаморфозам, которые предлагает жизнь... К ним меня не подготовил в том числе и театр. Он убеждал меня в том, что, если я буду хорошим, если буду помогать делать уроки своему другу и принесу голодному котенку ночью сметаны, меня жизнь завалит подарками. Мне это гарантировали.

- Но помочь другу — это уже и есть подарок сам по себе. А если будешь носить котенку сметану — жизнь вернет тебе что-то. Все возвращается. Здесь нет вранья.

— Правильно. Только меня приучали не слишком интенсивно трудиться для этого счастья. Не пни ногой зайчика, сознайся, что не сделал урок, — и все.

- Между прочим, правильная мысль. Врать-то не надо.

— Правильная. Хотя с этим тоже надо разобраться. Что происходило потом? Мои университеты — это школа, двор и казарма. Театр учил одному, а там меня научили совсем другому: не признавайся ни в чем и никогда, и тогда, может быть (может быть!), проскочишь и наказания не последует...

- И теперь к этим университетам должен прибавиться еще один — Театр детской скорби, который научит подростков тому же?

— Под "театром детской скорби" я подразумеваю театр без иллюзий. Тот, который не поддерживает старые иллюзии и не предлагает новых. В котором каждое волшебное явление будет иметь имя и фамилию...

- Тогда начнем с того, что такое иллюзия?

— Иллюзия — это подмена реальности возможностью некоего мифического, сказочного су-

ществования. Считается, что надо ждать, надеяться — и это поможет справиться с неприятностями. Верь — и обязательно придет принц, явится добрая фея, будет встреча, которая решит все проблемы. Для меня это очень сомнительный путь. Принц не придет. Для этого детям нужно рассказать историю Золушки. Не придет никакой принц, и не надо его ждать. Его нет. Есть мать, отец, сестры и есть бродяга-фокусник, приглашенный на бал сильных мира сего. Он одел Золушку и взял с собой (по каким причи-

- Надеяться не надо, а как же ничего не ждать?

— Несбыточные надежды дают грех уныния. А когда они заканчиваются, приходит радость: все классно, вот она — жизнь, вот они — люди! Надо научиться находить в этом прекрасное, радостное. Кстати отношусь неоднозначно, мне иногда бывает очень хорошо. И когда бывает хорошо, я знаю: это не навсегда, потом опять будет плохо, а потом снова хорошо... И поскольку я это знаю, я меньше расстраиваюсь, когда хорошо заканчивается. И интересно становится оттого, что хорошее с плохим мешает совершенно произвольно... Нужно отдаться стихии жизни — и пусть оно будет, как будет!

- Карамзин когда-то писал, что гармония искусства должна компенсировать дисгармонию жизни...

— Может быть, это кто-то придумал, что жизнь — дисгармония? Может, это и есть гармония? И вот попробуй остаться добрым, честным, красивым, найди в себе силы накормить котенка, когда ты не знаешь, вернется тебе это или нет. Добрые дела надо делать тайно.

- Вы напугали всех ужасами. Будущее вашего театра видится театром триллера... Всем кажется, что в Тюзе сейчас начнут убивать, резать, кровь реками...

— Триллер — это частности, это вопрос отдельного спектакля. Вообще я — за насильственные пути. Ну, конечно, не лопатой по голове, но чтобы, входя в театр, подросток попадал в пространство, где ему было бы неуютно.

- Вы, Анатолий Аркадьевич, ставили по-разному. С одной стороны, были "Алиса в Зазеркалье" и "Ля-бемоль", а с другой — "Человек рассеянный" и "Мой бедный Марат", совсем другие истории.

— Ну, конечно, спектакли будут разные, это не будет один спектакль, поделенный на серии. И режиссеров я собираюсь привлекать разных. Чтобы им не было скучно, я, может быть, расскажу им за чашкой кофе про театр детской скорби, но не стану же заставлять их ориентироваться на это. Они будут ставить, как умеют. И добрые спектакли будут в том числе.

- Вот ваши зрители получили объяснение про то, как все скорбно. А радость от соприкосновения с театром?

— Да уж желательно. **- То есть должен быть театр "эстетической скорби", но "эстетической радости"?**

— Радость можно получить и от скорби. Вот я сочинил какую-нибудь страшную историю — и, конечно, мне радостно!

- Есть театры, спектакли, которые вселяют радость жизни. Вот "Осень нашей весны" Габриадзе. Притом, что все кончалось гибелью птички Бори Гадая (его убивал в витрине охотничьего магазина неживой охотник — вполне по законам вашего скорбного театра), вы выходили с радостью жизни. Кстати, так было после "Человека рассеянного".

— Да, но я сам себе не верил. Это было для меня какое-то недоразумение.

- А какие спектакли адекватны вашему сознанию?

— Ну "Алиса" поадекватнее, конечно, "Ля-бемоль".

- А "Марат" выпал...

— Там тоже были вещи, в которые я не верил. Хотя иногда увлекаешься вариантами решений, предложенных автором... Версиями. Вообще не разгадать в этой жизни ничего.

- Но ведь не мы жизнь проживаем, она же нас проживает. И, наверное, самое трудное — то, о чем вы говорите, включить в движение жизни, перерабатывать это движение собой.

— Да, да. **- И это ведь приводит к радости. Потому что когда этому научаешься — такое счастье!**

— И я думаю, что это классно в итоге. Это — трезвость, это — явь.

- Нет, потому что гордыню подавил. Не тобой этот мир создан, не тобой управляется...

— Так это и есть трезвость. **- Нет, это называется смирение. Может быть, так и называть: "Театр детского смирения"?**

— "Театр детской трезвости". Все скорбно, не хочется на самом-то деле ничего этого делать, у меня все внутри сопротивляется собственной инициативе. Потому что хочется обманывать других, себя обманывать. Но я не уверен, что это правильно. Чтобы стало легче — нужно, чтобы сначала было больно. Как в больнице.

P.S. Я показала Праудину фотографию, приготовленную для этой публикации. Нормальную такую... "Нет, это я позировал, в ней есть какая-то неправда. А вот это — похоже", — сказал он и протянул мне этот фотографический ужас...

Беседу вела
Марина ДМИТРЕВСКАЯ